

Текила-любовь

Автор:

Дарья Лаврова

Текила-любовь

Дарья Лаврова

Не стерва, не пай-девочка, не Золушка. Настя – яркая и жгучая, как глоток текилы. Ее пятница начиналась в среду, танец заменял ей слова. Пытаясь убежать от самой себя, она прожигала ночи в клубах и барах. Один парень хотел жениться на ней и увезти в Мексику, что не входило в планы Насти; другой предпочел ей гламурную блондинку; третий собирался усадить ее в золотую клетку, однако Настя смогла упорхнуть...

Жизнь потеряла для девушки смысл. И тут появился он, веселый Димка, а вместе с ним – начало нового чувства. Тем более что со временем выяснилось: это не начало, а продолжение давным-давно зародившейся, светлой и самой настоящей любви...

Дарья Лаврова

Текила-любовь

Пролог

Диме Васильеву снилось, как прошлой осенью он ночевал у Катьки, как они лежали, накрывшись одеялом, а её мама каждый час заглядывала в комнату. Зря волновалась. Дети болтали всю ночь и заснули только под утро. На следующий

день в телефонной книге мобильного переименовал он её в «mi corazón», что по-испански значит «моё сердце».

А под утро приснилось раннее детство. Солнечный мир, шум и ласка моря, белые пески с дюнами, золотой блеск мелких ракушек. Ему четыре года. Родители впервые вывезли его на море в Анапу. Как говорят – оздоровить ребёнка. Несмотря на то что Николай Михайлович, отец Димки, работал тогда педиатром, ребёнок простывал каждый месяц и всё время хлюпал носом.

Из сотен малолетних ровесников, отдохавших тем летом на Чёрном море, он столкнулся именно с ней, в прямом смысле – лоб в лоб. Последствия – смачные шишки и ободранные коленки. Марина, мать Димки, изумлялась. Что мог найти её мальчик с мягкими, как пух, белыми волосиками до плеч в той страшненькой девочке с кривыми и тощими ногами?

Маленькую и худую, с тонкими выгоревшими косичками и широкой улыбкой без переднего зуба девочку – матери было жалко такую отчаянно некрасивую, дочерна загорелую, а он хватал её за руку и тащил в кусты целоваться.

Очень редко во сне всплывал её бесплотный, почти забытый образ – пляж, горячий воздух, девочка с надувным кругом, две косички и худые ноги. Чувство безвозвратно потерянного и светлого – вроде тоски по давно ушедшему детству, с ободранными коленками, ссадинами, подбитыми носами и отдыхом на Чёрном море. Он не помнил, как её зовут, но было приятно думать: а вдруг? Вдруг это была она, его Катюха. Диме казалось, что это имя было очень к лицу той девчонке с белого пляжа.

Васильев проснулся. Половина девятого. Включил мобильник и посмотрел на число. Вспомнил, что два часа назад должен был быть на вокзале. Обещал ведь встретить... Стоило подумать о ней, как голову тут же скрутила дикая боль, а на мобилу поступил первый входящий вызов.

– Бли-и-ин, – хрипло прошептал он, сбрасывая звонок. Тянуть нельзя. Ещё неделю назад даже в самом страшном ночном кошмаре он не мог представить, что придётся писать ей такую смс! Представилась она: маленькая и замёрзшая, на пустом холодном перроне. Наверняка опять без шапки, с голым животом и в дурацкой лёгкой куртке чуть ниже груди. Она будет искать его, звонить... уже звонит, а потом, так и не дождавшись, поедет домой одна.

За невыносимо долгие семь дней, что тянулись не хуже старой мятной жвачки, его тайный мир, в который он пустил её месяц назад, перевернулся. Если Дима чего и боялся в этой жизни, так это вот таких внезапных превращений. Белое стало чёрным, реальность – сном, а любовь, в которую он и так слабо верил, обернулась болью и сожалениями, не считая разбитой отцовской машины, лёгкого сотрясения мозга и сотни синяков по всему телу. Он мог бы представить и худшее, да фантазии не хватило, ведь кошмаром оказались именно те пять зимних недель нового года, пролетевших как один день.

1

В шесть вечера Анька приехала в общагу, а спустя полчаса уже стояла в дверях комнаты Васильева и по привычке оценивала его очередную одноразовую подружку. Васильев неисправим – вечно тащит под одеяло всё, что движется! Анька иронично называла их «прелестницами», а Васильев дулся на неё за это – слово, видите ли, не нравилось. А спроси она его сейчас, как зовут эту самую прелестницу, чьи идеально гладкие пятки торчали из-под одеяла минуту назад, Димка совершенно точно перепутал бы имя.

Аньке было смешно, а ещё – очень лестно и приятно: увидев её после летних каникул, заспанный Димка в темпе выпроводил свою подружку и, быстро одевшись, решил составить ей компанию за ужином.

Каждый вечер Анька Остроумова ужинала в небольшой арабской забегаловке «Симбад» напротив девятого блока общежития, где обитала большая часть сильной половины инженерного факультета. В кафе мало народу, уютно и вкусно кормят. Ей нравилось уходить сюда от своих шумных соседок, в одиночку ужинать и читать что-нибудь интересное. Например, Кастанеду. Иногда приходил Димка; они ели шаурму, пили вино, курили вишнёвый кальян и долго болтали. Иногда Анька в шутку начинала капать ему на мозги и намекать на то, что пора бы уже найти Васильеву постоянную девушку и перестать наконец портить пачками хорошеньких студенток.

– А ты не думаешь, Васич, что очень скоро тебе не захочется тащить в постель каждую смазливую девчонку? – хитро улыбнувшись, спросила Анька.

– Это почему это? – возмутился он.

– Я раскинула карты, пока тебя не было, а они у меня никогда не врут.

– Опять твои штучки, Остроумова! – смеялся Димка. – Завязывай с этим! И что же они тебе про меня сказали?

– Ты выпадаешь у меня, как «Шут», или «Дурак».

– Я тебя тоже люблю.

– А что делать? – иронично отозвалась Анька. – На короля, или императора, ты не тянешь по возрасту, хотя потенциал есть. Ты неразборчив в связях и неспособен пока на длительные привязанности. Но это скорее плохо не для тебя, а для твоих девушек, которые рассчитывают на что-то серьёзное. Ты любишь свободу и постоянно меняешь девчонок, не считаешь это проблемой – и, в общем-то, это правильно.

– Ну? А дальше?

– Вокруг тебя очень много девушек, и среди них есть она.

– Кто?

– Откуда я знаю. Твои девчонки, тебе виднее, – серьёзно ответила Анька, закрывая книгу. – Ты стоишь на пороге нового светлого чувства, а больше я тебе, Васич, ничего не скажу. Всё равно ты издеваешься и не веришь!

Время подходило к семи, и в «Симбад» медленно подтягивались группки иностранных студентов. Они громко смеялись, переговаривались на родном языке и бесстыдно разглядывали русских студенток, проходивших мимо. Димке позвонили.

– Тебе не поздно?.. Как придёшь, перезвони мне, я встречу, – заботливым тоном говорил Димка в трубку.

Анька смеялась: ну и мастер же Васильев лапшу на уши вешать! Какие мы заботливые, однако, бываем...

- Очередная невинная жертва? С какого курса?

- С первого.

- Уже? - изумилась Анька. - Не прошло и недели. Как зовут-то?

Димка призадумался, глядя в полупустую пивную кружку.

- Всё понятно.

- Послезавтра мы выступаем в «Мюнхгаузене». Приходи и подруг с собой приводи, - говорил Димка, допивая остатки пива. - В десять.

- Не больше двух, - улыбнулась Анька и встала из-за стола.

- Заскочи ко мне завтра вечером. Я буду хвастаться творческими успехами.

- Ещё одна голая прелестница?

- А чего же так мало, Остроумова? Обижаешь. Как минимум три, - ухмыльнулся он. - За последний месяц. Ну, до завтра, рыжая.

Анька допивала пиво и, хитро улыбаясь, смотрела вслед уходящему Васильеву. Димка, конечно, не верил во все эти гадания, но всё равно Анька знала, что весь вечер его непослушные мысли будут снова и снова возвращаться к этому разговору. Он будет возмущаться про себя, а может быть, и вслух: будет говорить, что всё это девчачьи заморочки и дурацкие картонки с замысловатыми рисунками не могут решать его судьбу.

Всё возможно, улыбалась Аня, ведь её соседка уже купила новые кружевные чулки.

* * *

Дима Васильев рисовал редко. Желание нарисовать что-либо вспыхивало внезапно, будто искра от спички, и так же быстро потухало. Он успевал нарисовать одну-две картины, сделать сырой набросок для третьей, а после – успокаивался до появления очередной особенной девчонки.

Особенными были те девушки, которых ему тут же хотелось нарисовать, причём абсолютно голыми. Затем обычно следовал одноразовый секс и потеря живого интереса к натурщице. Девочка уже не казалась Димке особенной.

К сексу он относился легко, цинично, предпочитая в свои восемнадцать лет свободную любовь традиционным отношениям, а девочек цеплял на факультете и в скромных ночных клубах студгородка. После десяти минут флирта с болтливым и долговязым Васильевым студентки были готовы идти за ним куда угодно, как мыши на звук волшебной дудки.

Одной из таких девочек стала первокурсница Таня, которую Дима нашёл в «Мюнхгаузене» два дня назад. Теперь она, голая, сидела на смятой постели и уже час отрешенно смотрела в сторону окна. Дима не следил за временем. За окном садился туман, и одна-единственная звезда тускло мерцала на чёрном небе. Дима всё рисовал её, длиннорукую, длинноногую, с мальчишеской фигурой и кофейным загаром из Литвы. Сейчас он смотрел на Таню, как на белый гипсовый шар или кувшин. Он уже не видел в ней девушку.

Димка никогда не учился рисовать специально, а получалось отлично. Ему иногда казалось, будто это не он рисует, а кто-то взял его за руку и водит по бумаге, а потом Дима удивлялся и радовался поразительному сходству серого рисунка и реальной девушки.

– Не могу больше!.. – заныла уставшая Танечка, три часа продержавшаяся в одной позе. – Спина болит, ноги затекли...

– Потерпи ещё десять минут, Танюх... – ответил Дима. – Немного осталось.

Он заканчивал рисунок, наносил последние штрихи и растирал тени. Почти никому из многочисленных друзей Дима не показывал своих картонных девушек. Разве что соседу Андрею да подруге Аньке Остроумовой. Те удивлялись: смотрели на бумагу, и казалось, что эта нарисованная девочка вот-вот

улыбнётся или хитро подмигнёт, покажет язык и скажет что-нибудь такое, что заставит тебя задуматься, – так было всегда.

Димка снова и снова всматривался в рисунок и смахивал крошки ластика: изгибы тела, торчащие косточки на бёдрах, впалый живот – всё это было её, Танечкино.

Рисовать лица людей, а особенно глаза – труднее всего, но к Димке это не относилось. Он и без художественной школы мог уловить в лице именно те неповторимые черты, которые делают его узнаваемым. До этого дня. Такое с Димой случилось впервые – захватывающая магия рисунка, которая никогда его не подводила, вдруг закончилась. Испарилась куда-то, будто и не было её никогда.

Вот блин. Зашибись. Дима потёр глаза и ещё раз посмотрел на рисунок – ничего не изменилось.

На бумаге он видел совсем не то, что хотел видеть.

* * *

Восемь, семь, шесть, пять... остановка. Лифт медленно отсчитывал этажи.

Есть лица, которые запоминаются. Застывают в памяти фрагментами мыслей и воспоминаний. Видишь их каждый день несколько лет подряд, сталкиваешься с ними на трамвайной остановке, у лифта на первом этаже, у входа в столовую или во дворике у неработающего фонтана. Запоминаешь не всех – выборочно.

Девочка с круглыми и блестящими глазами, как у мягких игрушек. Парень с ленивой улыбкой, в стильных очках и кислотно-жёлтой куртке; красивая татарка смеётся, стоя у лифта вместе с подругой.

Четыре, три... снова остановка.

Ещё одна девчонка, лохматая, с проколотой бровью, поднимается по лестнице в компании трёх студентов. Парень с тонкой косичкой молча кивнул Димке. И ещё очень много незнакомых людей, чьи лица стали год назад частью каждого последующего дня.

Два, один. Зелёная цифра мигнула два раза, и открылись двери.

Димка стоял в углу кабины лифта у зеркала, тёр пальцем глаз и зевал, потом взглянул на своё отражение и тут же отвернулся. На него сонными глазами смотрел вполне обычный парень – высокий, тёмно-русый, модно подстриженный – с густой чёлкой. В левом ухе – серьга, за спиной – рюкзак и тубус. Дима кивнул сонной Аньке, стоявшей рядом. Из четырёх девушек, что ехали с ним в лифте, он знал только её – она училась в параллельной группе. А глазастенькая появилась недавно, должно быть, с первого курса. Всё поглядывает на него исподлобья. Так и хочется пропеть ей на ухо: «Что ж ты, милая, смотришь искоса...»

Анька делала вид, что отключилась от внешнего мира, и читала толстую книгу о веб-дизайне, а подруга измученно смотрела по сторонам и чавкала жвачкой. Еле заметно пахло мятой и почему-то малиной.

Лифт остановился на седьмом этаже. Глазастая подруга ещё раз кинула на Димку взгляд, от которого становилось жарко, и, откровенно крутя «пятым элементом» в низко посаженных брюках, пошла к лекционному залу.

* * *

Васильев второй год учился на инженера по специальности технология машиностроения в одном из престижных столичных вузов – точнее, он лениво кусал гранит науки на слабую, как ребёнок после дизентерии, тройку. Других оценок в его потёртой зачётке не наблюдалось.

Родился он в конце января и, как большинство Водолеев, был идеальным другом – для всех. В этом аспекте гороскоп отражал действительность на все сто процентов – в друзьях у необделённого чувством юмора Димки ходил практически весь универ, в том числе – некоторые молодые препода. Однако лучших друзей было всего двое: Андрей да Анька.

С Анькой они познакомились в начале прошлого лета на десятидневных курсах для поступающих. Все десять дней два лоботряса просидели на последней парте; если они чем и занимались в то время, так это соревновались между собой в острологии. Анька уже тогда стала ему именно другом. Димка твёрдо знал, что, даже если они заснут под одним одеялом на одной кровати, между

ними ничего не будет. У него своих девчонок – целый полк, да и рыжая Анька – кудри ниже пояса, вся в веснушках – не страдала от недостатка обожателей.

С Андреем Беляевым Димка учился в одной школе в Зеленограде, потом они попали в одну группу, а после первой сессии – получили комнату в девятом блоке общежитий. Андрей танцевал хип-хоп и брейк, зачем-то отращивал тонкую косичку на затылке и питал слабость к дорогим модным брендам.

Это были идеальные друзья. Димке не нравилось лишь то, что двое из самых близких ему людей слишком холодно общались или, проще говоря, открыто недолюбливали друг друга.

* * *

– В жизни всё подвластно системе. Даже тому самому бедному пингвину в Антарктиде, чтобы завести потомство, нужно сначала найти себе подругу. За этой подругой нужно ухаживать, кормить её... – Соловьёв читал лекции настолько увлекательно, что даже заядлые прогульщики слушали с интересом. Ради одной-единственной лекции в неделю он приезжал с Чертановской на Ленинский проспект.

Зашли четыре девушки и один парень и, тихо прокравшись мимо, заняли места на задних рядах.

– Кристин, ты записываешь? – взволнованно спросила Анька свою соседку, не успев сесть.

– Анька, ты свободна вечером? – спросила девушка, наблюдая за Соловьёвым. – Я так запарилась с этим переездом, вещами и документами. Неделю нигде не была. Может, сходим куда-нибудь? Соседка моя бывшая – тварь просто! Задница как сундук! Я б с такой – молчала и не возникала! Какое же счастье, что нас расселили. Вот ведь повезёт кому-то!

– Пойдём в «Мюнхгаузен» вечером? Там мои друзья сегодня выступают.

– А что за группа?

– Панк-рок играют. Сидят на заднем ряду. Юлька вся извелась из-за барабанщика.

– Что, такой классный?

– Ничего особенного, нормальный. Болтун жуткий – девчонки за ним, как мыши за сыром бегают.

– А знаете, что энергия, которую затрачивает голубь, чтобы взлетать и приземляться, в соотношении намного меньше энергии, которую тратит самолёт на то же самое? Вот было бы здорово, если б накидать в самолёт червяков и полететь! – иногда Соловьёв приводит крайне интересные сравнения.

По залу пронёсся лёгкий смех.

– Червяки так не думают, – сказал кто-то сзади.

– Вот фантазёр! – тихо проговорила Кристина. – Просто сказочник.

* * *

На территории студенческого городка находилось пятнадцать благоустроенных корпусов общежития, физкультурно-оздоровительный комплекс, поликлиника, банк, пункты обмена валюты, продовольственные и универсальные магазины, парикмахерские, многочисленные столовые, кафе и парочка ночных клубов. Самый любимый студентами клуб «Мюнхгаузен», а второй – «B-City» располагались прямо в здании универа.

Горячий, насквозь прокуренный воздух в «Мюнхгаузене» был влажным и, казалось, отчего-то пульсировал. Пахло не то пивом, не то потом. Панк-группа «Муравьи» готовилась к выступлению. Вокалист, немного пухлый, в очках и с улыбкой пофигиста дышал в микрофон и что-то говорил барабанщику. Басист настраивал гитару, что-то бормоча себе под нос, и пил пиво из банки.

Первым на сцену вылез Димка, в серой футболке и длинных шортах; за ним сразу вышли Андрей и Миша. У последних была подвёрнута левая штанина джинсов, правую же они почему-то решили не трогать.

– «Измену»? – спросил Димка Мишу. Лицо его было на удивление серьёзным, на лбу еле заметно блестели капли пота.

– Да.

– Раз, два, три, – тихо отсчитал он. – Погнали! – и со страстью ударил по барабанам.

Миша орал в микрофон наглым отвязным голосом, отчаянно впиваясь в него пальцами. Андрей изо всех сил бил по струнам. Казалось, ещё пара минут – и он порвёт их. Время от времени Димка визжал, бил по барабанам, дёргался и смотрел по сторонам безумными чёрными глазами.

Это всё – обычная измена. Это всё, что мы зовём игрой. Мы с тобой – графика на стенах. Нас выводит кто-то вялую рукой, —

подпевал Андрей, то прыгая по сцене, то падая на колени, а потом снова поднимаясь на ноги.

На сцене Дима отрывался больше всех, остервенело колотил палочками по барабанам, тряс головой, смеялся, улыбался во весь рот самой счастливой и открытой улыбкой. Этаким эмоциональный бессловесный стриптиз – невооружённым глазом видно, что человеку в данный момент просто до безумия, невероятно, невыносимо, неприлично кайфно от всего происходящего с ним и вокруг него!

По большому счёту, «Муравьи» были неоригинальными и не модными и тем более не являлись альтернативной группой. Они знали всего три аккорда, зато те, что надо. Группа эта появилась год назад и состояла из трёх студентов первого курса инженерного факультета. Их главным ориентиром стали SeX PiStoIS. Парни заняли подвал в одном из общежитских корпусов, стали репетировать и выступать. Андрей Беляев – бас-гитара, Миша Фадеев – вокал, Дима Васильев – ударные. Они считали, что панк-рок, алкоголь и секс – лучшие вещи на земле. А Москва – самое лучшее место.

После выступления к нему подошла невысокая девочка с круглыми чёрными глазами. Та самая, которая буквально раздела его взглядом в лифте сегодня

утром. Она пила какой-то странный коктейль с зелёными листьями и восторженно смотрела на него снизу вверх.

Манеру знакомиться Димка перенял у африканских студентов. Это выглядело нагло, но действовало безотказно. Никаких тебе «привет» и «здрaсте», а сразу и нахальным тоном:

– Как дела?

– Нормально! – хихикнула девчонка.

– Как зовут?

– Юля, – ответила она приятным, чуть прокуренным голосом.

Васильев уже знал, что она пойдёт с ним. Или он пойдёт с ней. Это уже было неважно.

* * *

– Димка-а-а, а ты меня любишь?

– Ага... – равнодушно отзывался он сквозь сон.

– Нет, не любишь.

– Ага.

Юльки в жизни Димы стало слишком много за последнюю неделю. Тупая она какая-то, думал он. Смазливая – да. Весёлая – даже слишком, а говорить не о чем. Сплошные телячьи нежности и сюсюканья, как у глупой мамыши-наседки на детской площадке: «Ах ты, мой зайка, Димочка, солнышко, ах ты, мой муси-пусик...» Тошнит уже. Он не зайка, не солнышко и уж тем более – никакой не муси-пусик!.. Он панк-рок играет, а она его Димулькой зовёт.

Дима не хотел её рисовать, но Юлька настояла – захотелось, мол, ей картину, где она голая лежит рядом со львом. Димка фыркал, но рисовал. Лев был большущим, на всю кровать – игрушка. Юлька требовала, чтобы зверь на бумаге выглядел как живой, будто вот-вот зарычит. Всё девчачьи заморочки.

Лев получился как настоящий, а Юлька... Юлька не была похожа на себя. Но и это Димку не особо волновало – его больше беспокоил многозначительный взгляд Аньки. Торжествующий взгляд. Ему так и чудилось, что подруга вот-вот рассмеётся в лицо ему и прокричит что-то вроде: «А Васильев влюбился! Так волнуется, что рисовать разучился!.. Ручонки-то дрожат!..» Она ведь, наверное, думает, что её предсказание сбывается... Как бы не так, думал Димка.

Пора, как говорится, драть от неё когти, пока Юлю не начали принимать за его девушку. Хотя было уже поздно. Много раз их видели вместе: высокий барабанщик идёт куда-то размашистой походкой пофигиста, а рядом, еле поспевая, семенит Юлька со счастливой улыбкой на румяном круглом лице. Он высокий, а она маленькая, на каблуках едва достаёт ему до плеча.

И всё время: Димка – Димка, Димка – Димка.

* * *

Он проснулся в шесть утра, оттого что солнце светило ему в лицо. Юлька пробормотала что-то во сне и отвернулась к стенке. В утренней субботней тишине кто-то хлопнул дверью. Совсем близко. Спать больше не хотелось. Он включил компьютер и проверил почту. Пришло письмо из фан-клуба «Наива» и одно сообщение в «аську» – от девушки, с которой он познакомился на форуме университета две недели назад. Просто общение – трёп обо всём и ни о чём. «А я всё чаще замечаю, что меня как будто кто-то подменил...» – еле слышно напевал он себе под нос.

Девчонка эта жила в Зеленограде. Он там всех знал, а её нет. Скрывалась она под именем Катёнок. Ник, примитивнее которого придумать было сложно. Казалось, фантазия всех девочек-подростков работала в одном направлении под названием – назад в детство. Все эти Заиньки, Солнышки и Катята – производные от имён – вызывали у него ехидную ухмылку и воспоминание о первом сознательном визите в детскую поликлинику, где работал его отец. В большинстве своём Заиньки и Солнышки почти ничем не отличались, а вот

новенькая Катёнок болела за «Спартак» и разбиралась в рок-музыке. Кто же эта Катя шестнадцати лет, которая любит футбол и собирается поступать на архитектуру в его же универ?

Он ответил на сообщение и, выйдя из Сети, посмотрел свежим взглядом на два последних рисунка. Мало того что Юлька получилась совсем не похожей на себя – её лицо было то же, что с первой картины, когда он рисовал Таньку. Один в один. Обе девочки смотрели своими рисованными глазами и, казалось, глумились над ним. Димка серьёзно думал, что он сойдёт с ума, если будет и дальше смотреть на них.

В десять он отправил смс Аньке, чтобы днём зашла посмотреть его художества, и, неожиданно обнаружив под кроватью две пары мятых джинсов и старую футболку, решил спуститься на первый этаж в прачечную.

* * *

Ему казалось, что это уже было когда-то: он знал, что в прачечную общежития придёт та странная девчонка, которая уже третьи сутки ночует с его глуповатым соседом мексиканцем. Он её не видел. Андрюха говорил, что утром она чистила зубы в общей ванной и выглядела при этом не менее аппетитно, чем прошлым вечером. Она пронеслась мимо, задев Димку острым загорелым локтём, в обнимку с пакетом, откуда торчали разноцветные штанины, рукава и воротники, и остановилась у окна; потом нервно запихнула шмотки в стиральную машину и включила музыку в плеере.

В прачечной пахло сыростью, порошком и кондиционером для белья. Дима сидел на корточках у крайней машины, держа в руках смятую чёрную майку с истеричной надписью. Забросил джинсы и пару футболок, засыпал порошок и, выпрямившись, посмотрел на девчонку. Она танцевала перед стиральной машиной под звучащую только для неё одной музыку, будто бы и нет его рядом, будто она одна в этой комнате.

Слева, в одной из соседних комнат, включили «Mucho tambo» на полную громкость, справа за стеной, несмотря на утро, китайки пели в караоке русские песни, тихо гудели стиральные машины, и непринуждённо танцевала девочка. Васильев решил, что она приехала из Мексики или Колумбии.

– Что будет дальше? – спросил он сам себя и тут же увидел ответ: в дверях, будто из тумана, появился его сосед Начо, он подошёл к смуглой девчонке, обнял её, и они стали нежно целоваться, как в традиционном финале латиноамериканского сериала. Это были именно те люди, та девушка, то место, те звуки и запахи – он, как будто проживал заново этот маленький эпизод своей жизни. Димка был уверен, что происходящее уже было с ним, но не помнил когда именно. Знай он заранее, что его сознание вздумает вдруг играть с ним такие злые шутки, стоит ему увидеть какую-то, больную на голову мексиканку, остался бы в комнате, с Юлькой, рисовал бы себе спокойно, но нет – приспичило постирать джинсы...

Тем временем Начо протянул девушке бордовый платок с кучей железных монеток; она тут же повязала его на бёдра. Латиносы то хохотали во весь голос, то обнимались, то вдруг начинали шептаться на родном языке. Лица девушки он до сих пор не видел.

Диме стало не по себе: колени подкашивались в буквальном смысле, перед глазами всё кружилось, как на карусели, да ещё этот ритмичный звон монеток на бёдрах.

– Диман! – крикнул кто-то издалека. Его состояние напоминало последние секунды перед пробуждением ото сна: ещё снится что-то болезненно-бредовое, но уже слышен голос из реальной жизни; ещё пять секунд – и откроешь глаза. – Васильев! Вот ты где! – Мужской голос уже совсем близко. – Чего застрял тут?

– Что? – спросил Дима, не успев прийти в себя.

– Ты в порядке? – в дверях стоял Андрей с зубной щёткой в руке.

– Не знаю, – честно сказал он.

Выходя из прачечной вместе с Андреем, Дима обернулся и увидел лицо девушки. Она и Начо проводили его ничего не выражающими карими глазами, а затем снова занялись друг другом – такие сладкие, классические влюблённые, как парочки с открыток ко Дню святого Валентина из магазинчика «Hallmark». Теперь Дима смотрел на них и ничего не испытывал. Пугающее наваждение прошло, будто его и не было вовсе, остался лишь непонятный осадок.

– Кто это?

– Не видишь, девушка нашего Начо. Я ж тебе про неё рассказывал! – улыбнулся Андрей, запихнув руки в карманы. – Что, понравилась?

– Нет, – сказал Дима. Он не врал. В том, что он переживал пять минут назад, не было ничего общего с симпатией или банальной любовью с первого взгляда.

– Да ладно! – хохотал Андрей. – Она же классная!

– Тебе нравится?

– Какое нравится?! – рассмеялся Андрей, а через секунду серьёзно добавил: – Вот на такой женщине я бы женился. И пофиг, что из Колумбии.

Дима фыркнул и посмотрел на часы. Прошло немногим более десяти минут, а казалось, он сидел там часа два-три. Все попытки найти объяснение тому, что он почувствовал в прачечной, натыкались на кирпичную стену его же памяти, которая беспрестанно кричала: это было, было, было... Только когда? А сознание никак не хотело соглашаться: этого просто не могло быть.

Он вернулся в комнату, завалился на кровать и задремал, обманчиво нежно обняв Юльку, лежащую рядом.

* * *

Выходя утром из комнаты, Анька уже второй раз за неделю сдирала с двери приказ ректора. Вечно эти идиотские приказы вешают где попало! Было бы что дельное, а так фигня одна, типа дополнительного увеличения оплаты электроэнергии за использование собственных бытовых приборов. Или выговоры студентам. На сей раз – это приказ о расселении двух буйных студенток с десятого этажа. Одну из них переселили на четвёртый, вторую – на шестой.

С сентября Анька устроилась работать сисадмином в небольшое интернет-кафе на первом этаже их блока. С утра в субботу посетителей почти не было, и Анька, погружившись в свои мысли, сидела на форуме хакеров.

- Извините, - кто-то пропел рядом совсем тихо. Приятный, почти детский голос.

Анька подняла голову. Перед ней стояла невысокая девочка. Курносая, огромные синие глаза и длинные, ниже талии, светло-пепельные волосы. Хорошенькая до неприличия школьница была похожа на девочек-подростков из американских молодёжных сериалов восьмидесятых годов. Там все блондиночки были в одинаковой степени привлекательны и похожи друг на друга, будто их играла одна и та же актриса.

- Вы что-то хотели? - не совсем уверенно произнесла Анька, чувствуя себя неполноценной рядом с этой девушкой. На вид ей было не больше тринадцати лет.

- Да, - закивала девочка. - Я здесь учусь на курсах. Собираюсь поступать на архитектуру, - рассказывала она. - А вы не на инженерном учитесь?

- Да, на инженерном... - ответила Анька.

- А может быть, вы знаете Васильева Диму? Он ещё на барабанах играет...

- Знаю, - почти заикаясь, отвечала Анька. - Что-нибудь передать ему?

- Да, - закивала головой девочка и принялась что-то записывать на клочке бумаги. - Вот, передайте это ему. Спасибо.

И странная девочка быстро ушла.

Васильев везде успевает, думала про себя Анька. Мало тебе ровесниц, так ты уже на школьниц переключился!.. Маленькие девочки, статья 118.

* * *

В обед Анька поднялась к себе и с удивлением обнаружила новые вещи в комнате. Рядом с холодильником возвышалась гора сумок, а на Анькиной кровати, нежно обняв смуглыми руками подушку и плюшевого слона, сладко спала незнакомка. Короткие волосы розоватого оттенка, пирсинг в брови и носу,

ярко-кислотная футболка и жестоко изорванные джинсы. То ли г'н'б-ишная[1 - Ритм-энд-блюз (англ. rhythm-and-blues, сокращённо (R'n'B) – музыкальное направление, разновидность блюза; широкое обозначение музыки, исполняемой чернокожими музыкантами. Термин был введён в оборот в 1949 году составителями чартов журнала «Billboard» вместо несколько пренебрежительного выражения «расовая музыка» (race music), распространённого прежде.] кукла, то ли панк – не сообразишь без посторонней помощи! Анька огляделась: на столе лежал потрёпанный студенческий билет и мятая зелёная тетрадь с разрисованной детской рукой обложкой.

Вот оно, блин, началось! Теперь понятно, почему приказ именно на их дверь вешали.

Любопытство взяло верх, и она решила взглянуть на документы. Анька усмехнулась: смуглая девчонка, которую она не раз видела в компании латиносов во внутреннем дворике универа, носила совершенно обычное имя и самую простую русскую фамилию.

* * *

Свои последние рисунки Димка отдал Аньке – она смотрела на них глазами ребёнка, впервые попавшего в центральный «Детский мир». На первом была обнажённая девушка, сидящая под окном на коленях с бутылкой в руке. Она её держит так, будто хочет вылить воду. В окне – звезда. На втором – непохожая на себя Юлька Краснова в обнимку со львом. А на третьем – двое маленьких детей, резвящихся у кромки воды. Мальчик и девочка, над которыми светит рыжее солнце. Димка нарисовал их ещё в августе.

На следующие выходные он уехал в Зеленоград на день рождения друга и познакомился там с Катей. Той самой, с форума универа. Он одурел, когда увидел её, – светлые волосы опускались ниже талии, а огромные глаза были нереально синими. Не хватало только золотого нимба над головой и ангельских крылышек за спиной. Когда Васильев глядел на Катю, в груди у него начинало покалывать, а по сердцу разливалось горячее и пьянящее, как глинтвейн, чувство. Все выходные Димка проводил в Зеленограде и часто думал: «Анька, рыжая зараза, права оказалась – не врут её карты...» Сама же Анька в тот момент поняла, что сваха из неё – никудышная. Она непонимающе смотрела на влюблённого по уши Васильева, казалось, намертво прилипшего к хрупкой

девочке, и начинала истерично смеяться. Димка, впервые в жизни вляпавшись в романтические отношения, забросил рисование и купил себе навороченную цифровую камеру. А рисованные бумажные девочки остались в прошлом.

2

Летняя сессия была закрыта лишь в конце сентября. В ближайшие четыре месяца можно со спокойной душой тусоваться на полную катушку и, ни о чём не думая, прожигать ночи в клубах. Так, в общем, и проходила студенческая жизнь Насти Ивановой от сессии до сессии, из комнаты в комнату, из клуба в клуб.

В семь утра на мобиле сработал будильник. Ей снились юношеские соревнования по танцам, паркет, судьи, кубки, музыка... Стандарт, латина. А ещё панк-группа «Муравьи», которая часто выступала в клубах студгородка. Во сне она снималась в самом популярном телесериале, и сон её озвучивался мелодией, которую так часто было слышно из мобильных телефонов.

Настя проснулась в восемь. Обстановка навязчиво вгоняла в депрессию. Небольшая комнатка, две кровати, ободранные обои, электрический чайник под низким столиком у стены и кальян на полу. В помещении всё ещё витал дух удавшейся студенческой пьянки: на полу липкие разводы вина и пива, на грязной скатерти уголь от кальяна, а воздух приторно пахнет то ли розами, то ли вишней.

Рядом сладко спал кудрявый латинос Игнасио, который ни хрена не понимал по-русски и часто жаловался, что нехорошие соседи-панки обзывали его дедушкой. Настя не любила затягивать процесс одевания, поэтому делала это за две минуты, по ходу пытаюсь вспомнить, зачем она поставила будильник на семь. Блин, точно – две пары латиноамериканских танцев в спорткомплексе универа. Начало в девять.

Инга Николаевна, заместитель декана по физическому воспитанию, знала, что в семнадцать лет Настя была признана лучшим хореографом в Волгограде, и предложила ей работу. «Если уж эта наглая девчонка не хочет ходить на занятия, то пусть преподаёт танцы!» – так она сказала кому-то пару недель назад, а Настя согласилась.

Она вышла из комнаты и тут же столкнулась с каким-то неизвестным парнем. Нос к носу. Он задумчиво смотрел на неё и яростно тёр кулаком левый глаз. Казалось, парень спал на ходу и чему-то мечтательно улыбался. Такой весь трогательно взъерошенный. Невольно хотелось взять щётку и расчесать его спутанную русую чёлку.

Наверное, это один из тех парней, что обзывают Начо дедулей. И это совсем не удивительно! Несмотря на свой юный возраст, Игнасио частенько ходил недовольным, кряхтел и ворчал, как старик.

- Доброе утро, - сказала Настя.

- Кому доброе, а кому ещё экономику сегодня сдавать... - еле шевеля губами, ответил парень, но потом резко дёрнулся и добавил: - Ты что, говоришь по-русски? - весь его сон, казалось, рукой сняло.

- А что, нельзя? - дерзко ответила Настя. - Что в этом такого?

- Ты говорила на чистом испанском! Я сам слышал. Мы с Андрюхой думали, что ты из Мексики.

- Знаешь, какая у меня фамилия?

- Какая?

- Иванова, могу зачётку показать, если не веришь. А испанский я учу уже второй год, - сказала она, открывая дверь в ванную. - Ни пуха тебе с экономикой.

- Не поможет... - трагично отозвался он. - Как тебя зовут-то хоть?

- Почитай сказку «Морозко» - узнаешь, - ответила Настя и закрылась в ванной. Только тогда она поняла, что сама забыла спросить, как зовут того сонного парня.

* * *

Настя Иванова второй год жила в Москве. В школьные годы она успевала всё и при этом неплохо училась, хотя фраза «Меня не было, я болела» довольно часто ласкала слух её школьных преподавателей. Так каждую неделю: школа, секция бальных танцев, музыкалка, танец живота, а иногда и долгие отъезды на соревнования. Настя легко перебегала из одного заведения в другое с сумкой в одной руке, гитарой во второй и вешалкой с нарядами для выступлений – в третьей. На бегу успевала обедать. Вид у неё был совершенно не ботанский – плюс прекрасная осведомлённость в секс-вопросах, куча поклонников и разбитых сердец, за исключением своего собственного.

Глядя на худую вертлявую девчонку на старых видеозаписях, никто даже и подумать не мог, что она настолько талантлива. Невероятно талантлива!.. Все движения, повороты и комбинации давались ей легко – с первого раза, будто она родилась уже с этим. В десять лет Настя участвовала в юношеских турнирах по бальным танцам и занимала исключительно первые места. За семь лет их коллектив объехал всю Восточную Европу – от путешествий остались несколько внушительных фотоальбомов, видеокассет с выступлениями и, конечно, кубки с медалями.

В шестнадцать Настя со своим партнёром и ещё две пары из их группы поехали в Англию на Блэкпульский танцевальный фестиваль. Это единственный турнир, куда съезжаются все лучшие танцоры и специалисты планеты. Туда не зовут и не приглашают специально, туда едут сами, чтобы почувствовать себя частицей волшебного Великого мира Танца, прикоснуться к Вечному, поклониться Святому. Это место небывалых взлетов и крушения надежд, сладких слез счастья и горьких – разочарования. Четвертьфиналистов Блэкпула знают по именам, полуфинал – объект для поклонения. Ну а попасть в финал, а тем более выиграть Блэкпул – мечта любого танцора. Первые в Блэкпуле – это действительно лучшие среди лучших. Выиграть там – значит навсегда войти в Историю.

Анастасия Иванова и Владимир Данилов дошли до четвертьфинала, и это было невероятное счастье!.. Домой они уезжали в бешеной и яростной эйфории, чтобы вернуться в Блэкпул через год в мае. Обязательно вернуться, потому что не вернуться было нельзя. Вернуться, чтобы победить.

Но она не вернулась.

Через неделю после возвращения из Англии Настя сломала руку. «Уж лучше б я свернула себе шею!» – кричала она тогда. Врачи запретили ей заниматься танцами.

В начале июля отец – Алексей Петрович купил два билета на поезд и отправил жену и несчастную дочь в Москву. Если уж так получилось, то Настя не должна была остаться без высшего образования. Благодаря сохранившимся связям Алексея, она без труда прошла конкурс и к началу августа уже была зачислена на первый курс инженерного факультета по специальности технология машиностроения.

Ей было всё равно, чему и где учиться, так как учёба не входила в Настины планы. Она курила, матерились не хуже дворовой шпаны и пила текилу. Появился пирсинг в брови и пупке, а стройные ноги спрятались под бесформенными рваными штанами. Настя меняла парней как перчатки, а ночи прожигала в клубах и... танцевала.

За полгода она поправилась на десять килограммов. Как ни странно – её это не испортило. Была такая тощая: за шваброй спрячется – незаметно будет. А стала – нормальная. Вернее – мягкая такая. Одним словом – аппетитная.

Настя часто ночевала в девятом блоке. Там не спали часов до пяти. Ей нравилось торчать на общей кухне с каким-нибудь латиносом или афроамериканцем и варить сосиски. Там же, у афроамериканцев Настя научилась танцевать r'n'b.

К концу года Настя уже никаким боком не вписывалась в понятие «приличная девушка». Она дралась с соседкой и вела далеко не самый здоровый образ жизни, но стоило позвонить родителям и сказать, что через день они приедут в Москву навестить её, Настя менялась. В комнате наводился порядок, пирсинг вынимался, а рваные штаны летели далеко в шкаф. Им на смену приходили стильные брюки, кофточки и образ куклы Барби – Настя научилась неузнаваемо преображаться менее чем за полчаса. Она считала, что для родителей должна остаться той хорошей девочкой, которой была до поступления в институт. После телефонных разговоров с матерью она ревела в подушку, а через час снова дралась с соседкой Кристиной. В конце концов, студенты за стенкой не выдержали накала страстей и накатали заявку коменданту. Девушек расселили. Копии приказов висели по всему блоку.

* * *

Настя провела две пары и в половине первого уже шла домой. В воздухе пахло мокрыми листьями и немного сыростью. Всё было хорошо, но что-то её волновало. Еле заметное чувство, которое начинало раздражать. Ни закрытая сессия, ни работа хореографа, ни предстоящая ночь в диско-баре «Матрица» в центре Москвы не приносили ей удовлетворения.

Всё хорошо, всё как надо – и в то же время, всё не так. Не так, как она мечтала и представляла. Снаружи отлично, а внутри пусто. Будто развернула конфету в красивой обёртке, а там ничего нет. Сплошные противоречия и недомолвки. Есть подруги, есть ещё куча друзей по всему универу, есть родители и маленькая сестра Дашка, есть всё, что нужно, – но ещё есть одиночество, которое Настя осознала и прочувствовала, медленно идя мимо ёлок по асфальтированной мокрой дороге, пахнущей осенью.

Конечно, есть парень – Начо Рамос Санчес. Ну да... И что этот Начо? – думала про себя Настя, пнув ногой мокрую шишку. Сядет напротив, возьмёт за руки, уставится на тебя своими телячьими тёмными глазами и давай по-испански: «Mi bella... te amo, te quiero... mi chiquita...», а потом целоваться и всё такое. Любит. Хочет. А бывает, ревнует, но уже по-русски. Злится. «Ты общаешься с бывшим парнем, ты с ним спишь и изменяешь мне!.. Да? Да? Тебе ведь нравится спать с ним?» И почему девчонкам так нравятся эти латиносы?

Когда она вернулась, дома никого не было. Настя закинула сумку в стенной шкаф, на дне которого новые соседки, к которым её подселили в начале сентября, устроили нечто вроде бара. В два ряда стояли бутылки: текила с пробкой в виде чёрной шляпы, две бутылки виски, три – Чинзано и Мартини.

Соседки оказались интересными. Приходя домой из универа, Настя часто видела картину маслом – Машка Давыдова, девушка с идеальной сияющей кожей и светлыми волосами, стояла на кровати в одном нижнем белье и курила в форточку. От неё пахло смесью пива, мятных сигарет и дорогих горьковатых духов. Маша почти не ела, не ходила в универ и не вылезала на улицу – лишь раз в день она спускалась в магазинчик на первый этаж за сигаретами и пивом. Они вместе пили, и Маша делилась с Настей своими заморочками, проблемами, фобиями и неосуществлёнными желаниями. Судя по всему, у Машки была депрессия.

Позже приходила с занятий вторая соседка – Аня Остроумова. Рыжая с веснушками, смешливая и позитивная. Она читала Кастанеду и Ницше, часто гадала Машке на картах. Однажды и Насте погадала. Сказала, что она стоит на пороге большого и светлого чувства. Любовь, счастье и всё такое...

Настя грустно вздохнула и закрыла шкаф. Пить совсем не хотелось, даже текилу. На холодильнике висел магнит с надписью «Все мужики одинаковы – одинаково бесполезны» и розовый листок со списком дел. Внизу кто-то приписал чёрным фломастером: «Миша, я тебя хочу».

* * *

Прошедший год был, конечно, не самым удачным. «Что я пыталась доказать себе весь этот год? К чему я пришла?» – спрашивала себя Настя, сидя за барной стойкой в клубе «Матрица». Рядом ходили люди – знакомые и в то же время чужие. Поставили песню «Smooth» Карлоса Сантаны и Роба Томаса.

Она лизнула большой палец, посыпала его солью, снова лизнула... Движения привычны и хорошо заучены. Несмотря на то что в помещении было достаточно тепло, Настю почему-то знобило. Согреться не получалось. Её не покидало дурацкое ощущение, будто она – это вовсе не она, не здесь, не сейчас – нигде. Всё смешалось и перепуталось. «Что дальше?» – спрашивала она себя, глядя на пустую рюмку и ломтик лимона. Настя водила ручкой по розовой салфетке, грустно опустив глаза. Всё одно и то же: универ, ночные клубы, текила...

К барной стойке подошёл мужчина лет тридцати, с лошадиным лицом, светлыми волосами и заказал себе водки. Вязаная кофта на «молнии» расстёгнута почти на половину – на груди рыжие волосы. Выпив стопку, он повернулся к Насте и откровенно уставился на неё. Она ещё заказала текилы и продолжала рисовать на салфетке. Мужчина бестолково следил за её рукой, переводя взгляд с тонких загорелых пальцев на лицо.

– Девушка, вы левша? – неожиданно спросил он, всё ещё наблюдая за пальцами. Настя равнодушно посмотрела на него и ответила.

– Да, вы просто сказочно наблюдательны... – и снова опустила глаза.

– Говорят, у таких не всё в порядке с ориентацией... – ехидно произнёс он, разглядывая её.

– Почему же? – переспросила Настя. Этот небритый тип с рыжей волосатой грудью не нравился ей, да и не внушал доверия. – Право и лево пока не путаю...

– Я о другом. Наверное, ты мужчин не любишь? – прямо спросил он.

– Ах, вот о чём вы говорите!.. Нет, у меня и с этим всё в порядке, – отрезала Настя и отвернулась.

– Да не сердись ты так... – улыбнулся рыжий. – Знаешь, у тебя глаза в этом освещении такого же цвета, как текила... Меня, кстати, Васей зовут. А тебя?

– Настя, – вздохнула она.

Незнакомые голоса мягко сливались с музыкой. Пахло водкой и сигаретами. Со стороны туалета – возмущённый женский голос: «... а мне насрать!. Да, мне насрать, что у него есть девушка!..» – «Они уже четыре года встречаются!..» – отвечал другой голос. «И что теперь?! Я всё равно его отобью...»

– А ты классно танцуешь, – говорил Вася, заказывая ещё водки. – Ништяк просто!.. Честно тебе говорю. Ни одна здешняя девчонка с тобой не сравнится!..

– Спасибо, – слабо улыбнулась Настя. – А вы что, следите за мной?

Наверху пели в караоке: «... всё равно, день это будет или но-о-очь, всё равно, знаю, что ты придёшь за мно-о-ой...» – фальшивили, и от этого становилось ещё грустнее.

– Вась, пойдём наверх, все уже собрались, – сказал приятный мужской голос. Бархатный и тёплый. Как будто укрыл шерстяным пледом и гладит сверху горячей рукой.

Настя повернулась, чтобы посмотреть на него: шатен с густыми бровями показался ей очень грамотной смесью внешности Мистера Бига из сериала «Секс в большом городе», на которой она прочно подсела за последний месяц, и

харизмы Джека Николсона.

- Через пять минут, - ответил Вася, бросая взгляды на Настю.

- А кто эта девушка? - спросил знакомый Васи. - Почему это я её не знаю? Вы ведь знакомы?

- Да, - сказал Вася с изрядной долей гордости. - Настенька, познакомься. Это мой друг Максим. Макс, это - Настя.

- Очень приятно, - улыбнулся Максим, сканируя её зелёными глазами. Сомнений не было - звёздная улыбка принадлежала именно Насте. Она улыбнулась в ответ.

- Настя, может, присоединишься к нашему скромному столику наверху?..

* * *

Отношения с Максимом Шмалько, молодым владельцем диско-бара «Матрица», стали для Насти именно тем, что наконец-то дало ощущение полноты жизни, в которую он вписался, как единственный и самый важный элемент в пустую ячейку пазла. Настя поняла, что весь прошлый год прожигала ночи лишь для того, чтобы встретить его - Макса.

3

- Доброе утро! Вас приветствует радио теплохода «Григорий Пирогов». Через пять минут первая смена может подходить на завтрак. В половине девятого мы собираемся на берегу и идём на экскурсию по Касимову.

Прошло два года. Максим оказался мужчиной, который, как говорят - никогда не женится. Он клялся и божился, что был верен своим многочисленным девушкам, просто срок был фиксированным - его любви, интереса и страсти хватало максимум на год. А после он искал замену. Настя стала исключением. Лав стори

затянулась почти на два года. Инициатором разрыва, как и много раз прежде, был Макс.

В начале июня, кое-как сдав экзамены и оставив один «хвост» по высшей математике, Настя отправилась с родителями в круиз по городам России. Она проводила так несколько недель каждое лето с тех пор, как ей исполнилось три года. Ольга, мать Насти, работала помощником начальника круизов на теплоходе «Григорий Пирогов», вела некоторые экскурсии, будила пассажиров по радио утром, объявляла завтраки, обеды, ужины и проводила концерты самодеятельности. Иногда Настя помогала ей.

Настя открыла глаза и посмотрела по сторонам. Ещё два дня назад она бы сильно удивилась, если бы узнала, что спустя сорок восемь часов ей суждено будет ещё раз проснуться в лучшей каюте «Пирогова» под голос матери. Она была твёрдо уверена, что пасмурное утро, наступившее двое суток назад, окажется для неё последним.

Прошлой ночью она тихо вышла на тёмную палубу, влажный холод, казалось, натурально обжигал босые ноги. Она влезла на стул и ухватилась рукой за верхнюю железную перекладину и, поставив одну ногу на перила, посмотрела вниз. «Всё, сейчас всё пройдёт... – шептала она сама себе. – Только бы руки разжать...» Она закрыла глаза и вздохнула. «Всего лишь десятков вдохов ещё, и всё...» – успокаивала она себя. Ей уже начинал нравиться этот ночной влажный холод, запах речной воды, дрожащие бледные звёзды внизу... Сжатые ладони сводило то ли от холода, то ли от страха... А потом она открыла глаза и испугалась. Сползла без сил на палубу и села на стул, поджав под себя ноги. Рубашка стала мокрой от ночной росы. Свернулась в комочек и заплакала, тоненько, как ребёнок. Тем утром её нашли на палубе в одной ночной рубашке, сидящую на стуле, продрогшую от влажного ночного воздуха, бледную, с красными дикими глазами и покусанными дрожащими губами.

* * *

Потрогала лоб – холодный. Горло не болит. Нет даже малейшего намёка на возможный безобидный насморк. После вчерашней ночи Настя рассчитывала как минимум на жёсткий бронхит и температуру под тридцать восемь, однако ей не досталось даже лёгкого недомогания.

– Ты ещё не встала? – спросила Ольга у дочери, внезапно появившись в комнате: только что завтрак объявляла – и уже тут. – Как себя чувствуешь? Покажи горло.

Настя покорно, как в раннем детстве, закатывала глаза, открывала рот и высовывала язык, пока мама, надев очки, серьёзно рассматривала простуженное горло и опухшие гланды.

– Ну надо же... – удивлённо произносила Ольга, снимая очки. – Всё в норме. Любой человек, просидевший ночь в таком холоде, подхватил бы как минимум ОРЗ с осложнениями, а у тебя, Аська, даже насморка нет!

Настя виновато пожимала плечами и опускала глаза. Ольга основательно потрогала её лоб, по-разному прикладывая ладони.

– Холодный... – ещё более удивлённо сказала она. – А глаза больные. Как у побитой собаки...

– Не надо о собаках, – подала голос Настя и наконец встала с кровати.

* * *

...Настя знала теплоход, наверное, даже лучше, чем саму себя. Знала каждый винтик, каждый угол, каждую лестницу, знала всё. Утром и днём экскурсии, вечер – концерты, которые Ольга с Настей иногда вели вместе. А вокруг – море людей, в котором можно утонуть. Всё спокойно и размеренно.

За пятнадцать лет Настя много раз была в Касимове. Если для матери это было работой, то ей не было необходимости выходить в город. Его она тоже как будто наизусть выучила, и он давно не представлял для неё интереса. Настя включила мобильник, сама не понимая, зачем она это делает. Увидев привычное сообщение о поиске сети, Настя облегчённо вздохнула и выключила его. «Дима-а, у нас ещё есть пиво?» – резковатый женский голос из той же каюты. Нет сообщений, нет звонков – нет и проблем. Как же надоело ей за эту последнюю неделю, что она провела в Волгограде, отвечать на эти бесконечные звонки с дурацкими вопросами о том, как дела, как настроение, и всё такое! Ну какое могло быть настроение у двадцатилетней девчонки, расставшейся две недели назад с парнем после двухлетних отношений? По большей мере – ей просто

хотелось сдохнуть. Так вот, не вставая с этой постели, в этой каюте. Просто сдохнуть под лёгкую качку в Рыбинском водохранилище. По меньшей – чтоб оставили в покое и ничего не спрашивали.

Единственное, что её увлекало, – это море людей на теплоходе. За неделю так привыкаешь к этим лицам, всё время мелькающим у тебя перед глазами, что думаешь, будто расставаться будет больно и грустно, обещаешь не терять связь, общаться, думаешь, это навсегда, а потом понимаешь: это всего лишь фантом. Иллюзия чувств, ложная проекция виртуального на реальное. Настоящая грусть и настоящая боль совсем другие. «Трёхмерные...» – сказал чей-то голос в голове у Насти. Это была Машка. Настоящие чувства, неважно какие, любовь или боль – трёхмерны.

* * *

В одиннадцать Настя забралась на верхнюю палубу, окрашенную в голубой цвет, и, постелив большое махровое полотенце, легла под жгучие лучи солнца. Через полчаса она начала испытывать лёгкое горячее покалывание на бёдрах и плечах. Пощипывание первого загара в начале июля. Дни тянулись долго, а лето представлялось теперь огромным и бесконечно ослепительным от солнца. Иногда ей казалось, будто Макс был уже давно, где-то в прошлой жизни, лет двадцать назад. Будто это была вовсе не она, а потом понимала, что пролетело всего-навсего две недели.

Солнце ушло за облако, значит, можно открыть глаза, не боясь, что ослепнешь от невыносимого блеска и света.

– Из-вините, – сказал кто-то за её головой. Настя неловко обернулась. За ней стоял коротко стриженный мужчина лет тридцати, в растянутых тренировочных штанах тёмно-синего цвета и мятой белой майке. То ли пьяный, то ли «с похмелюки», как выражалась буфетчица в университетском кафе. – Вы не знаете, во сколько мы отплываем?

– Полпервого, – ответила Настя, снова закрывая глаза.

– Спас-сибо, – поблагодарил мужчина и, непонятливо почёсывая затылок, пошёл вниз. Люди на берегу делали последние фотографии и покупали сувениры.

Среди русских выделялась небольшая группа китайцев. Пять девушек и парень, выбравший себе, несомненно, самую хорошенькую из них.

– Смотри, не сгори, Аська!.. – шутливо-строгий голос Ольги. Она сидела рядом с Настей и держала в руке бутылку минеральной воды «Угличская». – Ты поела?

– Да, немного... – соврала матери дочь. С прошлого вечера у неё и крошки во рту не было.

– Надень-ка, я тебе купила на прошлой неделе в Угличе... – сказала Ольга, протягивая дочери белую льняную кепку, украшенную парочкой голубых цветочков из замши. Настя послушно надела. – Тебе идёт.

– Угу... – лениво промычала Настя.

– Сейчас внизу будет небольшой концерт. Русская народная песня. Народ очень просит. Буду вести одна, – говорила Ольга, отпивая воду из бутылки. – Вечером ещё один. Задолбали. Поможешь?

– Угу.

– Жарко. Исккупаться не хочешь? Папа с Дашкой на берегу.

– Не хочется... – вздохнула Настя.

– Ну как хочешь...

Ольга снова спустилась на берег. После прогулок и экскурсий пассажирам было дано время на пляж и на искупаться. Настя встала с полотенца и подошла к поручню. Пляж в Касимове был довольно забавным – эдакие песочные дюны. С верхней палубы было видно Дашку, растерянно стоящую у воды, и Ольгу рядом. Сначала Дашка не хотела лезть в воду, боялась. Интересно было наблюдать, как она с собой борется: то зайдёт, то выбежит, потом опять зайдёт, поглубже. Так продолжалось ещё минут двадцать. Ольге с большим трудом удалось вытащить её из воды, а когда наконец она Дашку достала, одела и на секунду отвернулась, она опять влезла в воду и искупалась прямо в одежде. Настя улыбнулась.

Когда теплоход отошёл, Ольга попросила Настю посмотреть за сестрой. Они лежали на верхней палубе вместе с ещё парой десятков полуголых пассажиров. Дашка нашла себе новое интересное развлечение – душ. Она обращалась с ним примерно так же, как и с речкой: то забежит, то опять выбежит. Ни секунды на месте. Приставала к загорающим на палубе. Одна женщина полила её из пульверизатора. Дашка сначала боялась, а потом вовсю лезла поливаться сама. Но очень скоро ей это надоело, и сестру потянуло на нижние палубы. Вверх-вниз по лестницам – и так несколько десятков раз. С такой не посидишь на месте – Насте пришлось одеться и исполнять свой долг. Дашка, схватив её за руку, потащила на нижнюю палубу в кинозал, где Ольга вела концерт русской народной песни. Свободных мест не было, и им пришлось стоять в дверях. Выступали двое: мужчина играл на баяне, а круглолицая женщина с короткими тёмными волосами в обычном домашнем халате – пела, а все, кто был в салоне, охотно ей подпевали. Сильный и пронзительный голос, типичный для подобных песен. «...прошу тебя, в час розовый, напой тихонько мне, как дорог край берёзовый в малиновой заре...»

Настя стояла у стены, держа Дашку за плечи, чтобы та не бегала и не мешала выступлению. Ольга увидела их в зале и улыбнулась. Потом мужчина пел один. Все слушали, затаив дыхание. В этот момент Дашка выскользнула из рук и снова побежала вверх по лестнице, и Настя за ней, слыша на бегу грустный мотив: «...а в августе расцвёл жасмин, а в сентябре – шиповник. Приснился я тебе один, всех бед твоих виновник...»

К вечеру Дашка нашла себе компанию и пошла играть с девочками-пассажирками в карты, а перед концертом авторской песни получила в подарок от капитана апельсин. Мягкие бежевые кресла в музыкальном салоне стояли полукругом, и, как всегда, на всех не хватало. Пассажиры сидели у дверей по двое-трое, а за ними стояли ещё с десяток. Посередине удобно уселся пьяный мужчина, который спрашивал утром у Насти, во сколько отплывает теплоход. Сейчас он был не менее пьян и весел; сидел, расстегнув спортивную куртку на голом теле почти до живота. Левой рукой обнимал женщину в ядовито-розовом спортивном костюме. Пьяная парочка. Настя их заметила ещё в первый день круиза. Тёмные волосы, тёмные глаза. Необычные, бархатные, как будто детские. В ходе концерта розовая девушка оказалась одной из самых активных, участвовала почти во всех конкурсах, танцевала, пела и отгадывала загадки. Муж бурно ей аплодировал, вылез на коленях на середину салона, лез к ней обниматься и целоваться. Парочка вызывала у Насти улыбку. Смешные, пьяные и, видно, жутко влюблённые. Наверное, только недавно поженились.

Девушка неплохо пела. Из всего разногласия она единственная попадала в ноты.

– Я смотрю, у нас на «Пирогове» уже появились первые таланты! – довольно произнесла Ольга и кивнула Насте. Это значило, что ей теперь нужно было подойти с микрофоном к той парочке и узнать, как их зовут.

– Как вас зовут? – улыбаясь, спросила Настя девушку с бархатными карими глазами.

– Наташа, – улыбнулась девушка.

– А вас? – спросила Настя её смешного пьяного мужа.

– Дима-а-астый, – довольно протянул мужчина, крепко обнимая и целуя свою смеющуюся Наташу.

* * *

Настя безразлично смотрела на Волгу и летающих над водой голодных чаек, которым пассажиры кидали куски хлеба. Так же и она пару недель назад хотела прижаться к Максиму, схватить его за руку, впиваясь в неё ногтями.

– Эх, Аська... – вздохнула Ольга. – Не переживай, не стоит того... Хочешь, расскажу тебе кое-что? Только папе не рассказывай, о'кей?

– Хорошо, – еле слышно ответила Настя, посмотрев на свои похудевшие руки.

– Был у меня парень двадцать лет назад. Дерзкий, горячий, взрывной, душа компании, пофигист. Этаким хиппи. Не скажу, что красавец, но девки гроздьями на нём висли. Однажды чуть с профессором не подрался на экзамене. О нём тогда легенды по институту ходили. Из всех Ник выбрал меня и ещё одну девочку. Не помню имени. Не мог определиться. Я любила его до безумия, смотрела на всё сквозь пальцы. Встречались пять недель, а потом та, вторая, пришла и сказала, что залетела. Справку показала. Короче, Аська, женился он на ней через месяц. А потом у них сын родился.

– А где он сейчас?

– Мне рассказывали, что раньше работал педиатром в детской поликлинике. А теперь – в Минздраве, – усмехнулась Ольга. – Сыну сейчас двадцать, наверное. Твой ровесник, – посмотрела на часы. – Ладно, заговорила я что-то. Пора ужин объявлять. Пойдём?

Настя встала и медленно прошла по палубе вдоль теплохода. Из окон кают небрежно торчали старые занавески, и слышались скрипучие звуки радио. Где-то пахло пивом, а где-то яблоками и бананами.

Рядом с банкетным залом стоял отец и держал на руках Дашку. Он что-то ласково шептал ей на ухо, а она хитро глядела по сторонам и громко смеялась.

– А вот и Настенька, – сказал он Дашке, улыбаясь. – Почему Настенька такая грустная?

– Не знаю, – беззаботно пролепетала Даша, поглядывая на Настю.

– Я не грустная, просто немного устала, – ответила она, подходя к ним ближе. Глаза сестры, казавшиеся небесно-голубыми, внимательно смотрели на неё, а светлые кудрявые волосы ярко блестели на солнце. Отец поднял её высоко на вытянутых руках. Дашка звонко смеялась.

– Дашенций, не боишься? Сейчас я тебя подброшу, а ловить не буду!

– А я не боюсь! – кричала в ответ Дашка и снова заливалась смехом.

Когда Насте было три года, Алексей так же играл с ней. Говорил, что подбросит, а ловить не будет. Настя тоже не боялась. Ни капли. Папа никогда не давал упасть.

Настя подошла к перилам и посмотрела на крутые берега, мимо которых они проплывали. Небольшой песчаный пляж, палатки, лай собак и люди. Они махали руками и что-то кричали. Все мысли Насти на время растворились в плеске воды. Тёплый воздух обволакивал её, и становилось спокойнее.

– ...Битте-дритте, фрау-мадам, я урок вам первый дам! – говорил Алексей внимательной Дашке хитрым голосом. – Надо кверху задрать глаза и запрыгать, ну как коза!

* * *

За ужином Настя вяло ковыряла вилкой картошку и шницель. Ей становилось страшно оттого, что уже больше недели почти ничего не ест. Всё больше смотрит по сторонам равнодушными глазами, а вместо мыслей какая-то пустота, смешанная с болью и воспоминаниями о двух последних годах жизни, когда он был рядом, когда всё было по-другому.

– Настюха, ты скоро превратишься в тень, если не будешь есть, – сказала Ольга. – Тебя почти не видно. Вон руки какие тощие стали!

– Мне просто не хочется...

За стеклом, по палубе пробежала странная девочка лет двенадцати, держа под мышкой большую игрушечную лошадь, одетую в розовое детское платье. Девочка всегда таскала с собой эту лошадь, а иногда брала ещё и собаку. Тоже в детском платье. Девочка поправляла рукой «хвостик» на голове и всегда чему-то улыбалась. Настя уже третий день с грустью смотрела на неё и немного завидовала. Завидовала всем детям на теплоходе. Все такие жизнерадостные, беззаботные... Бегают друг за другом, кричат, играют, смеются. Когда-то и Настя была такой и тоже бегала по «Пирогову», смеялась и играла с другими детьми до позднего вечера, пока не приходил папа, брал её на руки и уносил в каюту. Каждую неделю менялись дети, а она оставалась на теплоходе. Но тут же появлялись другие, из других городов, с другими родителями. Было легко знакомиться, дружить и расставаться. Легко, когда тебе четыре года...

За соседний стол с двумя женщинами села девочка. Она была постарше той, что с лошадью. Лет шестнадцать, уже загорелая, в прозрачной темно-зеленой тунике и такой же панамке на голове. Два мальчика того же возраста осторожно постучали по стеклу и засмеялись. Девочка повернула голову и улыбнулась.

Настя встала из-за стола и вышла из столовой. Навстречу ей, громко крича и смеясь, бежали два светленьких мальчика-близнеца в льняных кепках, которые

продавались в Угличе.

* * *

Вечером, когда уже стемнело, Настя смотрела на закат. Солнце медленно опускалось в облака, похожие на цветущую сирень – розовую, лиловую, белую. Дорожка на водной глади – малиновая. Прохладно. Настя неохотно куталась в кофту и отгоняла комаров. С противоположной палубы доносились радостные крики и звук баяна. Посмотрев ещё раз на берег, Настя пошла туда. Несколько модных бабушек и дедушек, группа китайцев и пьяная парочка всюду развлекались: весело отплясывали на палубе, пели песни и всё время смеялись. Она подошла ближе. Мужчина с баяном стал играть «цыганочку», и Настя не удержалась. Танцевали все, а после Наташа взяла Настю за руку и попросила научить её танцевать так же. Дальше играли какой-то вальс. Модная загорелая бабушка в длинном ярко-желтом платье и белых туфлях на высоком каблуке легко кружилась в танце с Димастым и всё повторяла: «Вальс я могу танцевать бесконечно!..»

* * *

Оставшуюся неделю Настя провела в компании Наташи и Димастого, сидя в баре на нижней палубе, одну за другой опустошая кружки пива и постепенно приходя в себя. Иногда в голове проносились слова из старого анекдота – а жизнь-то налаживается! Текилы в баре не было. Ольга смотрела на это сквозь пальцы: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы своих не заводило и не вешалось...» Настя так и не научила Наташу танцевать «цыганочку», но это было второстепенное. На заключительном концерте Димастый и Наташа танцевали твист, как Ума Турман и Джон Траволта в «Криминальном чтиве».

«Всё будет так, как должно быть...» – часто звучал в голове голос Машки. Настя не любила эту фразу. Чувствовалась в ней какая-то безысходность и отчаяние. «А как должно быть всё? Почему бы ему не быть так, как хочу я? И кто определяет то, как должно быть?» – думала Настя, глядя ранними вечерами на высокие зелёные берега и уютные деревеньки. «Через неделю едем с Анхен в Алушту, через две недели наступит осень, универ, клубы и текила... И будет всё хорошо, и некогда будет грустить. Всё будет хорошо...» – мечтала Настя, выходя ранним утром на голубую палубу, залитую южным солнцем.

- Ты так и не подошёл бы ко мне?

- Я наблюдал за тобой, было интересно...

- Что тебе интересно? Ты даже не спрашиваешь, как у меня дела...

- Как у тебя дела? - Макс сделал неестественно заинтересованное лицо.

- Отлично! - прохрипела Настя, натянуто улыбаясь. - Лучше не бывает!

- Я рад за тебя, - впервые за этот вечер Макс улыбнулся ей.

Настя дотронулась до его руки, но он отдёргнул её.

- Насть, не надо, давай не будем!

- Ну почему? - спросила она, заглядывая ему в глаза. В глубине души она знала, что из этого разговора ничего хорошего не выйдет, но глупое бесплодное упрямство заставляло её довести дело до конца.

- Потому что ничего не получится. Два раза в одну реку, знаешь ли...

- Откуда ты знаешь?

- Просто знаю. Я вижу, что не могу быть с человеком... Откуда в тебе столько эгоизма? Откуда эта стервозность? И эти твои постоянные приколы, подколы... Это невыносимо! Ты притворяешься жертвой, униженной и оскорблённой...

- Может, хватит? Слушать противно! Ты начал в июне и всё продолжаешь! Тебе не надоело? - Её голос начал дрожать.

- Настя, есть столько хороших молодых людей. Появится человек, которого будет всё устраивать в тебе. А в любовных проблемах виноваты мы оба, так что пойдём, вернёмся ко всем - мы уже долго тут сидим.

- И что теперь будет? - спросила Настя, нерешительно подняв глаза на Макса.

- Я не против общаться с тобой, если ты хочешь, - ответил он, зачем-то пожав плечами, и сунул руки в карманы.

Настя не ответила, а он смотрел на неё ничего не выражающими глазами.

- Пойдём...

- Нет... - прошептала Настя. - Я не хочу...

- Пойдём, - твёрдо сказал он.

- Макс, обними меня...

- Нет, Настя...

- Ну, пожалуйста, только один раз... - Она вцепилась в его рубашку, пытаясь прижаться к нему.

- Настя, не надо! - раздраженно сказал Макс и оттолкнул её.

- Не отталкивай меня.

- Пойдём.

- Не пойду!

- Тогда я пойду один.

Максим ушёл, оставив Настю сидеть на парапете. Первые секунды она смотрела ему вслед. Потом поднялась и, догнав его, схватила за руку, но Макс молча

выдернул её. Настя шла за ним, опустив голову и еле слышно всхлипывая, как сопливый ребёнок за рассерженной матерью.

- Знаешь, есть такой психологический приём... - вдруг заговорил Макс. - Если посмотреть человеку в затылок и мысленно сказать: «Остановись», - он остановится и вернётся. Главное, чтоб он не знал об этом.

- Что ты имеешь в виду? - не поняла Настя.

- Просто так сказал. Можешь попробовать, если хочешь...

Она выпрямилась, посмотрела Максиму в затылок.

- Остановись, - тихо произнесла она.

- Я знаю, что ты на меня смотришь. Так не получится.

- Ты издеваешься надо мной?

- Нет. Зачем мне над тобой издеваться?

Дальше они шли молча. У дверей дискотеки «Матрица» Максим остановился и закурил. Настя вернулась к Аньке, которая ждала её на том же месте и нервно жала на кнопки мобильного.

* * *

Ещё с вечера Настенька настраивала себя: что бы ни случилось, что бы Максим ни говорил - я буду спокойной, холодной и рассудительной. Никаких слёз и истерик. Тем не менее с каждой его фразой, с каждым грубым словом Насте всё больше хотелось ответить ему так же: наглубить, нахамить, задеть его, дать ему сдачи.

Как она ни пыталась справиться с собой, все попытки шли коту под хвост. Чем сильнее хотелось быть «хорошей девочкой» - тем хуже ей это давалось. Насте нравилось язвить Максиму, говорить гадости, но в то же время, глядя на него,

такого загорелого, в лёгкой рубашке, ей жутко хотелось обнять его, прижаться к нему, как раньше, как год назад, когда все ещё было хорошо.

«Дура. Нереальная идиотка». – Настя прокручивала в памяти, что было полчаса назад. Она знала, что это «обними» ничего не изменит, но ей, как наркоманке, хотелось снова ощутить его тепло, пусть даже и в последний раз, пусть даже после будет ещё больнее.

«Конечно, Макс, ты издеваешься надо мной, – мысли в голове Насти опережали одна другую. – Ни одна нормальная девушка не падёт так низко, как я. Ненавижу себя, а тебя – ещё больше. Себя – за то, что, оказывается, всё ещё люблю, а тебя за то, что позволяешь мне унижаться перед тобой. Моя планка опустилась ниже канализационных труб, по которым скачут бурые крысы, – ниже просто невозможно. Я уничтожена и растоптана».

Настя готова была расплакаться, как в первый день в яслях, когда думала, что мама бросила её.

– Будешь курить? – осторожно спросила Анька.

– Нет, лучше текилы... – вздохнула Настя. – А ещё мыло, верёвку и табуретку... Так плохо, что хочется повеситься. Окажешь услугу? Поможешь подруге?

– Дура ты, Настя. – Анька затянулась сигаретой. – Что он тебе сказал?

– Мы друзья. Круто, да?

– Ещё бы! Друг – это звучит гордо. А друг-женщина, то есть подруга...

– Звучит, как пустое место... – продолжила Настя. – Потанцуем?

– Потанцуем.

Настя выпивала по пять порций текилы за ночь, а наутро пыталась составить целостную картину из туманных обрывков мыслей и воспоминаний.

Всё будет хорошо. Всё будет, как раньше, как два года назад: никаких серьёзных отношений и привязанностей. Только тусовки, клубы и свободная любовь.

Так решила для себя Настя Иванова, опрокидывая шестую стопку текилы.

* * *

Спустя сутки Настя, не спавшая всю ночь, и Машка, вернувшаяся утром из Сочи, ужинали в одной из летних забегаловок на юго-западе Москвы. Небо, словно паутиной, затянулось серыми облаками. Недалеко готовили шаурму – так пахло по утрам в их любимом арабском кафе «Симбад». Из окон ближних блоков доносились зажигательные этнические ритмы, разливаясь в осенней тишине по всему студенческому городку и растворяясь в воздухе над еловым лесом. Отовсюду слышалась непонятная иностранная речь и бегали арабы.

А Машка, как всегда эмоционально и красочно, расписывала Насте подробности двух недель жаркого отдыха.

– Захожу я, короче, в вагон, ищу своё место. Думала – расслаблюсь, не буду видеть все эти рожи целых две недели! Отдохну как нормальный человек. И что ты думаешь?

– Что?

– Полвагона – инженерный факультет! Мишаня доставал всю дорогу. Лежит он у меня на коленях, довольный такой и говорит: «А мне можно. У меня есть права быть первым мужиком». Ха-ха! Мужик, на год меня моложе. Я ему и отвечаю: «Мишенька, не хочу тебя, конечно, расстраивать. Ты можешь быть новым мужиком, но первым, боюсь, уже поздно.

– А он что? – спросила Настя, лениво шагая рядом.

– Он говорит, что и новым мужиком не против. А я говорю, что ему трудно со мной будет. Я ведь любого парня так могу довести, что он меня ногами пинать начнёт. Я же буду ходить не только налево, но и направо, и назад, и вперёд, и по диагонали, и кругами...

Машка Давыдова родилась двадцать лет назад в Курске. С самого рождения её жизнь проходила в тяжёлой и мучительной борьбе за независимость, которую она клочок за клочком вырывала из рук своих родителей. «Маша, не раскачивайся на стульчике – упадёшь!» – «Нет, буду!» – отвечала двухлетняя Маша, а через минуту собирала осколки молочных зубов. «Не ходи на речку, там грязно!» – «Нет, пойду». И она шла, а потом возвращалась лохматая, в липкой чёрной грязи. За что и получала подзатыльники.

Маленькая девочка, похожая на ангела, с белокурыми локонами и прозрачными аквамариновыми глазами моментально очаровывала взрослых, а потом легко вила из них верёвки.

Читать она, казалось, научилась раньше, чем ходить. Машку интересовало всё, что в принципе могло интересовать по определению. Начиная музыкой и заканчивая восточной медициной и гаданиями на кофейной гуще.

В универ она поступила без особых проблем и перебралась в Москву. Первый курс провела в состоянии жесточайшей депрессии. После долгих поисков самой себя наступило разочарование. Всё было не то. Не тот большой город, не тот институт, не тот факультет и специальность, не те люди, что постоянно рядом. Всё не так, как хотелось и представлялось. Жизнь казалась чёрной, а её восприятие было близко к идее «Догмы» – «Жизнь дерьмо, и каждый день откусываешь небольшой кусок». Тогда Машка решила, что тоже станет сукой и ей будет на всех насрать. Потом она, правда, призналась, что депрессия была лишь следствием расставания с парнем, которого она любила два года и который остался в родном городе. Невысокий, худой и кудрявый – почти копия Пушкина, только рыжий.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Ритм-энд-блюз (англ. rhythm-and-blues, сокращённо (R'n'B) – музыкальное направление, разновидность блюза; широкое обозначение музыки, исполняемой чернокожими музыкантами. Термин был введён в оборот в 1949 году составителями чартов журнала «Billboard» вместо несколько пренебрежительного выражения «расовая музыка» (race music), распространённого прежде.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lavrova_dar-ya/tekila-lyubov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)